

*из «Охота на зайцев-беляков». Фокин Н.Н. —
Издание редакции журнала «Наша охота» СПб, 1914 г.*

ЗАМЕТКИ ОХОТНИКА

Даже не охотники хорошо знают зайцев — беляка и русака — популярнейших зверьков России, и в особенности беляк, наряду с тетеревом и рябчиком, искони привлекает к себе внимание крестьян-промышленников и добывается ими в наших северных лесах в громадном, трудно поддающемся учету, количестве. В Белозерском уезде Новгородской губернии, где из года в год я охотился, зайцы-беляки водятся и держатся повсюду, представляя из себя один из самых распространенных и общедоступных видов дичи. Промысловое истребление беляка слопцами (кряжи), петлями, капканами идет здесь вовсю; шкурятничество — стрельба зайцев весною на озимях и покосах — процветает, но благодаря обширности подходящих для него угодий и малонаселенности уезда беляк все еще сохранился здесь в значительном количестве и его бывает мало только в годы, следующие за мором зайцев, который нет-нет да появится на этих зверьках, причем болезнь, губящая зайцев, называется здесь «липой», и она наблюдается также среди овец, так что мор овец и зайцев совпадает. Обыкновенно «липа» начинается ранней весною, иногда она ограничивается каким-нибудь одним уголком уезда, иногда широко распространяется: овцы вымирают в деревнях чуть

не поголовно, а мертвых зайцев находят повсюду в лесах и полях.

После сильной эпизоотии количество зайцев очень редет, но года через два плодовитый зверек опять появляется в обычном количестве, которое постепенно хотя и идет на убыль, как замечают охотники-старожилы, но все же не такими быстрыми шагами, как уменьшение в уезде другой дичи.

Громадные, широко раскинувшиеся острова леса и болота, некоторые из которых очень отдалены от жилья, несомненно, служат в белозерском крае природными питомниками зайцев, в которых беляк размножается, не тревожимый человеком; и вот эти

то «заповедники», естественно возникшие, и пополняют убыль истребляемых по опушкам, в полях, мелочах и пустошах зайцев, и пока человек с его инстинктом истребления не завладеет упорно в охотничьем отношении всеми этими местами — беляки не переведутся здесь никогда.

При сравнительном обилии зайца-беляка повсюду в уезде и дешевизне его шкурки и тушки * крестьяне-промышленники ограничиваются ловлей зайцев поблизости своего жилья и, хотя с наступлением зимы весь заяц-беляк из мелочей и полей переходит на зимовку в крупный лес — остров, но залегает недалеко по опушкам, продолжая выходить по ночам в поля на озими и на покосы на атаву, которые он раскапывает так же, как русак. Зимой промышленники ловят беляка капканами на тропах, которыми он идет в поле, а слопцы или кряжи хотя и устраиваются в большом лесу, но все же близ деревень, и,

например за 20 верст за беляком никто из промышленников не пойдет: зайцев слишком тяжело выносить из леса. Крестьянин в большинстве случаев разумно бережет свои силы и смотрит на охоту как на работу, соразмеряя труд и вознаграждение.

По черной тропе — из любви к новым местам, по белой — по необходимости — спасая собак от расставленных повсюду капканов, мне часто приходилось охотиться с гончими в глухих отдаленных от жилья островах крупного леса. Острова эти частью зарублены, т.е. загромождены оставленными здесь вершинами срубленных и увезенных деревьев, и охота в таких местах трудная, о чем я буду говорить ниже, во зато зайцев-беляков встречалось здесь множество. Забравшись по лесным тропам далеко в лес, к дому едва выбьешься глубокой ночью, и всегда проводник и я возвращались нагруженные, как верблюды» убитыми зайцами — насилу дотащишь до дома эту тяжелую кладь! Самые крупные экземпляры матерых беляков были добыты мною именно в таких местах. Это были «островные» зайцы, не знающие мелочей и полей, где зайцы усиленно истребляются и редко достигают 10—11 фунтов веса. Обычный вес зайца-беляка, взятого близ жилья,— 8—9 фунтов. Тогда как в глухих островах и по настоящее время встречаются беляки весом до 13 фунтов. Это я знаю точно потому, что интересуясь весом дичи, проверял на безмене каждого убитого мною зайца, а их перебивало у меня в руках более тысячи. 13 фунтов — наибольший вес старого беляка, когда-либо взятого мною. Беляков крупнее я никогда* не видал. Наибольший вес

русака моей охоты — 17 фунтов. Это была махина. Русаки в Белозерском уезде редки. Обычный вес их — от 10 до 14 фунтов.

Очень естественно, что держащаяся в укромных, отдаленных от жилья угодьях оседлая дичь достигает наибольшего веса. Самых тяжеловесных глухарей скорее возьмешь на только что открытом току, а на току, где производится охота из года в год й птица выбивается, встретить особенно крупных экземпляров уже мудрено. Конечно, в этом правиле возможны исключения и всякие неожиданности и случайности, которыми так полна всякая охота, но, охотясь много лет изо дня в день в огромном районе, невольно обращаешь внимание на некоторые особенности, которые дальнейшими наблюдениями все чаще и чаще подтверждаются.

К одной из таких особенностей относится, что зайцы в островах (беляки) осенью скорее выцветают, становясь белыми, чем те же беляки, живущие в полях и мелочах. Весною наоборот: беляк, живущий в поле, уже вылинял и почти сер, а живущий в крупном лесу все еще щеголяет, хотя в сильно потрепанной, зимней шкурке. Вообще же матерый заяц-беляк ранее вылинивает и выцветает, чем прибылой; в особенности долго, с осени, остаются серо-беловатыми мелкие, позднего вывода, беляки, держащиеся в полях даже по снегу, когда весь остальной заяц-беляк уже покинул мелоча. Даже в- декабре они не совсем выцветают, эти зайчишки позднего помета, которых зовут «листопадниками», как родившихся в начале листопада. И как иногда подобное дрянцо мучает выжлят,

забиваясь в лом и то и дело западая!

Зайцы-беляки получают белый зимний окрас в большинстве случаев до наступления зимы, и этот выделяющийся яркий цвет их шкурки губит их ужасно, в особенности если погода теплая, без заморозков, и под ногою мягко: крестьяне-охотники мастерски высматривают их на лежке и бьют.

В сырую погоду выцветший беляк на лежке подпускает в упор и только плотнее прижимается к земле, но, подходя к нему, не надо смотреть на него, а следует сделать вид будто его не замечаешь и идешь как будто мимо. Отбегающего нераненого беляка всегда можно остановить легким свистом. Беляк, отбежав сотню шагов, садится и начинает слушать.

Слегка посвистывая и отвлекая этими звуками внимание зверька, к нему нетрудно подойти на выстрел.

Промышленники замечательно напрактиковались высматривать на лежке беляка. Однажды поздней осенью ехал я пустошью, возвращаясь; с охоты на тетеревей. Лошадь шла рысью. Вдруг мой возница, очень дельный местный охотник, разом остановил своего коня и обернулся ко мне: — Хотите Н. Н. застрелить зайца? — Какого зайца? — А вот лежит» беляк в этом кусте! — показал он на куст ивняка, шагах в 80 от дороги!» Я вынул ружье из чехла и пошел к кусту, но зайца рассмотреть не мог. Пока он не выскочил, подпустив шагов на 15. Оказался очень пушистый,] 9 фунтов беляк, белый как снежина.— Мне сверху-то, с козел,— пояснил

мой возница, — очень хорошо было его заметно. Вижу, белеет — непременно, думаю, заяц!..

Иногда мне приходилось поздней осенью в «мягкую» погоду ходить в зайчатных местах с 3—4 промышленниками, которые расходились! и высматривали беляков на лежке, давая мне знать свистом, что заяц? найден. Я подходил к указанному месту и, как птицу из-под стойки, Стрелял вскочившего и удирающего во все ноги зайца. Грубо побуженный беляк идет очень резво, и стрельба его в плотных местах или между елей С их низко нависшими сучьями далеко не так легка, как это может показаться с первого взгляда. В местах открытых — иное дело. Тут, какую. бы скорость ни развил заяц, всегда успеешь выцелить с поводком и ударить в меру.

Однажды часа за 4 такой охоты на берегу Новоозера в Шигменском крестьянском наделе я взял 16 беляков и прекратил охоту по недостатку патронов, так как охотиться в этот день за зайцами не собирался, а отправился было в шалаш на тетеревей, но погода помешала — туман. Патронов у меня с собою было всего 20, будь больше — результат охоты повысился бы еще штук на 10 косых. В этот день зайцы точно сами просились под заряд. Последнего в эту охоту беляка, в силу необходимости, я застрелил жевеловской пулей, без которой никогда не выхожу на охоту. Выстрел был легкий: заяц отбежал с лежки шагов сорок, присей и стал слушать наш свист...

Вышеупомянутая осень была продолжительна и очень богата

беляками. И в каких только местах не встречались зайчишки на лежке: совершенно на виду, под какой-нибудь елочкой, так что зверька видно со всех сторон шагов на 20; в опушках болот, на кочках, под ветвями, у стволов небольших развесистых елей; под грудями собранного на краю покосов хвороста; в домовитых местах — по берегам незначительных ручейков возле и среди почерневших стволов и ветвей бурелома; под вершинами срубленных деревьев и проч.

В особенности вспоминается небольшое болото-желтик, редко поросшее сосною-карликом. В этом незначительном, окруженном пашнею и небольшими покосами, болоте когда-то высились 5 или 6 великолепных сосен, а теперь об этих исполинах напоминали громадные в отрубе пни да могучие вершины, давно дрябнувшие на земле. И почти под каждой из этих вершин был заяц, под одной- даже пара

В особенности под вершинами, считая себя надежно укрытыми, зайцы лежат так крепко, что иногда приходится ударить ногою в ствол вершины, чтобы поднять беляка с лежки.

Такие и подобные им подходящие места для лежки редко пустуют, и приметливые местные охотники знают эти лежки из года в год. Сегодня возьмешь в таком месте зайца — дня через два-три буквально с этого же места опять выскакивает беляк.

Мой неизменный проводник на охоте Александр Чачемский, очень дельный охотник, показал мне однажды в своем наделе громадную сваленную ветром сухую ель.— Вот из-под этой валежины,— пояснил

он,— я в прошлую осень семь беляков убил. Набегают. Очень уж взгода для них хороша. Как ни заглянешь сюда мимоходом — заяц!

Картина этой охоты — высматривание белого зайца на лежке — сразу меняется при самом незначительном заморозке. В мороз под ногою шерстка, ходьба шумная, идущего человека издали слышно, и к зайцу в такие дни не подойти. Промысловая стрельба зайца на лежке возможна только в продолжительную и теплую осень, когда заяц белый, снега нет и земля не подстыла — подход беззвучный. При такой охоте промышленники застают зайца на лежке уже при первых проблесках дня, а чуть наступают сумерки — прекращают охоту — заяц уже вышел на жировку.

Мне много пришлось стрелять беляков облавою, с 10—15 загонщиками, на один мой номер, а также вдвоем с Л. С. Х. мы часто устраивали облавы с очень хорошими результатами; приходилось принимать участие в «больших» облавах, но распространяться об этих охотах не стану. Облавный способ охот на мелкого зверя и по перу слишком популярен, однообразен и всем хорошо знаком. Иное дело — охота нагоном с двумя-тремя дельными помощниками.

Такая охота в особенности бывала удачна в те дни, когда землю подсушил мороз, лужи затянулись ледком, под ногою треск, шорох, словом — гололедица. В такую погоду даже беляк «начеку», в загоне не отлеживается, и выжить его из крепя в сторону поджидающего охотника не так мудрено, хотя гораздо труднее, чем делается это облавою.

Охота эта не может быть так добычлива, как правильно организованная облава, не дающая зайцу иного пути, как под выстрелы — здесь требуется хорошее знание мест, значительная сноровка, знание лазов и привычек зверя. Обстрел на такой охоте особенно широкий — ружье должно быть с дальним и резким боем: здесь чаще, чем на иных охотах, видишь уходящего зайца и воздерживаешься от выстрела — далеко.

Загонщики вооружаются палками, постукивают ими по стволам деревьев, шуршат по кустам, изредка покрикивая. Мороз сделал все болота доступными — ходьба легкая, но далеко заходить в болото не следует — загонщики идут болотом очень недалеко от опушки, идут вдоль болота, а охотник идет суходолом, тоже вдоль болота, шагов на 30—40 отстав от загонщиков. Загонщики идут шумно — охотник старается идти беззвучно. Потревоженный заяц очень часто выскакивает из болота на суходол и попадает под выстрел, а если суходол от края болота поднимается в гору, то успех охоты обеспечен: заяц очень любит идти в гору. Потревоженный в местах очень густых (высокие желтые травы, иван-чай, кусты, молодые заросли елей и сосен), беляк любит перескочить лужайкой в соседнюю чашу — на этой лужайке не мешает затаиться охотнику, пока загонщики шумно проходят чащею. Это ничего, что загонщики идут в стороне и как будто гонят не сюда — это не облава, 2—3 человека в густом и обширном месте не могут дать зайцу нужное им направление, они могут только потревожить его, а пойдет он туда, куда

ему «ход», и этот «ход», принимая в соображение местность и зная лазы, может, до некоторой степени, угадать охотник.

Нагон на ходу опушками болот или лесными дорогами, по сторонам которых находятся плотные, подходящие для лежки зайца места,— практиковался мною иногда на протяжении нескольких верст, конечно, с перерывами, во время которых приходилось скрадывать побуженного, во избежавшего в сторону зайца, усевшегося на виду. Тут невольно увлечешься скрадыванием, которое не всегда удается и иногда отводит охотника далеко в сторону. Затем, при таком нагоне, как и на облаве, бывает стрельба по птице, а в особенности по белым куропаткам, которых в иных местах, благодаря их обыкновению перелетать из одного небольшого болота в соседнее, иногда отделенное от первого небольшим бугром с толковыми загонщиками нагнать на охотника не трудно. А рябчики — стоит слышать характерный шум их перелетов в каком-нибудь углу болота или леса, мысом выдающегося в поле или покос — и нагон в этот мыс становится очень вероятен: сколько раз я стрелял их, «прижатых к крайку», благодаря такому нагону, стоя среди деревьев, недалеко от опушки,— присаживающихся на ели вокруг меня, пока уцелевшие снова не отлетали вглубь болота или леса, пролетая над загонщиками.

Позже, в глубокий снег, уже в конце декабря и в январе, такая охота нагоном становится однообразной — результатами ее является исключительно беляк, выскакивающий на лесную дорогу, на которой

часами я поджидал его, тихо следуя немного позади загонщиков, идущих на лыжах обеими сторонами дороги, параллельно с нею, но не ближе как шагов на 50 от нее. Этот нагон на ходу, единственно возможный в глубокий снег, так как стрелок должен идти без лыж, т. е. дорогою, основывается на том, что беляк любит залегать зимою близ лесных дорог, по которым возят сено и на которых он жирует ночью, подбирая натрушенное сено и даже откапывая его из-под снега, если была погода. Потревоженный загонщиками заяц обыкновенно выскакивает на дорогу, считая ее безлюдной и попадает под выстрел.

Такая охота уже окончательно не добычлива — за несколько часов возьмешь одного беляка, в лучшем случае — двух, но зимою, в глухой сезон, в это полное затишье в охотничьем отношении (если не считать: редко представляющийся случай побывать на берлоге) требования к трофеям охоты очень понижаются, бываешь рад и одному беляку, на лучшее и не рассчитываешь, и, напр., пара тетеревей, взятых из винтовки за весь день ходьбы на лыжах в белом балахоне,— представляется уже роскошной добычей. Все в мире относительно и условно!..

Чтобы покончить с описанием охоты на беляков облавою и нагоном, приведу еще несколько соображений по поводу этих охот. Погода имеет здесь немаловажное значение и это необходимо иметь в виду. В дождь заяц забирается в самые густые, плотные заросли и таится очень крепко, а загонщики, даже при всем желании работать как можно добросовестнее, как-то невольно обходят густые места, потому что,

помимо дождя, каждая ветка обдаёт холодным душем, а кусты и высокие травы ужасно мочат колени. Поэтому в дождливую погоду облава и нагон не могут быть так удачны, как в погоду сухую. В бесснежные заморозки — гололедицу особенно бывает удачна подробно описанная мною охота нагоном, с 2—3 загонщиками, но стрелять в такую погоду в сторону загонщиков, особенно на облаве, в которой принимает участие много народа, — надо очень осмотрительно и осторожно: от мерзлой земли дробь рикошетирует и может ранить человека. Беляк имеет обыкновение близко держаться линии кричан — скачет чуть не у ног загонщиков, и во всех случаях, а особенно в гололедицу, стрелять по нему надо очень осмотрительно и иногда благоразумнее оставить некоторых зайцев без выстрела. По снегу облава в мелочах близ полей не может быть уже добычливой: наступающая зима перегнала беляка на лежку в крупный лес или болото, и туда за ним должны идти охотники, если желают стрелять, не считаясь с тем, что по чернотропу удачные облавы происходили вдали от крупного леса. Для облавы в крупном лесу, как и для охоты нагоном с двумя загонщиками, с успехом можно пользоваться лесными дорогами, встречающимися покосами среди леса и просеками. Практичные трещотки для загонщиков — две деревянные небольшие лопаточки, ударяя которыми одна о другую, облава производит вполне достаточный для нее стук и шум. Такие лопаточки заготавливаются загонщиками перед охотой в 0 дну-две минуты и отлично выполняют свое назначение.

Конечно, все эти перечисленные мною способы охоты на беляка

пасуют и меркнут перед охотой с гончими, но я вполне разделяю мнение С. Т. Аксакова, незабвенного пионера в деле охоты, который сказал: «Все охоты хороши». Да, хороши все охоты, потому что каждая из них может доставить охотнику известную долю наслаждения, увлечь его, заполнить его внимание, подарить ему счастливые мгновения. Истинный охотник, в сущности, очень скромнен в своих требованиях и инстинктивно, что вложила в него природа, отлично применяется к обстоятельствам и обстановке охоты; из малого он может извлечь для себя так много, в смысле охотничьих ощущений, и это дается ему легко и свободно в силу громадного тяготения его к природе. Бесспорно, более грандиозное скорее захватывает каждого; развитое чувство эстетики невольно тоскует о более совершенном, но все же для того, в ком живет громадная и истинная: потребность общения с природой, порой достаточно очень малого, чтобы пережить охотничьи ощущения и восторги. Поясняю примером. Пишущий эти строки имеет полное основание сказать, что вся жизнь его посвящена охоте, что он пережил на охотах едва ли не все доступное в этой области скромному ружейнику и, переживая многократно высокое наслаждение перед берлогой, в минуту ожидания зверя, или на облаве, когда приходится видеть подходящего медведя и напускать его на себя, или на току глухарей, когда сам охотник с замиранием сердца делает стойки над поющим пернатым царем северного леса и проч. и проч.— все же он может получить истинное наслаждение, наблюдая как мелкая ничтожная рыбешка ведет и топит поплавок его

удочки или чиж «бросается» к повешенной на дереве западне, сидит на ней, опускается на дверцу настороженного бойка и... вот-вот вскочит на предательскую жердочку и забьется в захлопнувшемся бойке. Для того, в ком живет непреодолимая потребность к общению с природой — к охоте, даже эта охотничья миниатюра может до некоторой степени отразить в себе все ощущения охотника и даже в ней есть минуты сладостно-томительного ожидания, и переход от надежды к разочарованию, и захватывающий человека процесс охоты.

и бодрящее чувство удачи и удовлетворения. Словом — даже такой охотничьей миниатюрой, за неимением лучшего, может до некоторой степени удовлетвориться та духовная потребность к охоте, которая, как магнит юлку, тянет человека к природе, отрешая его на время от обыденщины, поглощая и сосредотачивая на себе в некоторые минуты все его внимание,— и минуты эти несравнимы и дивны! Смешно это и странно, но это так. Даже в такой охотничьей миниатюре временами переживается общий гипноз охоты! И прав Аксаков — хороши все охоты!..

Извиняясь за это маленькое отступление, перехожу к описанию охоты с гончими.

Существующий закон об охоте разрешает охоту с гончими с 1-го сентября, но охота эта совершенно не вяжется с летним зеленым покровом природы — она требует осенней картины леса и поля, и потому обыкновенно я начинал ее не ранее второй половины сентября.

В высоких и сильных еще с лета травах, среди густой листвы нависших ветвей, в плотных зарослях кустарников и молодых лиственных чащ работа гончих затруднена, да и заяц идет под гоном далеко не так, как поздней осенью: часто западает, неохотно покидает остров, кружит упорно на одном месте в чаще, шмыгая среди трав, кустов, папоротников и проч. Работа гончих, как бы хороши они ни были, плоха в такой обстановке: собаки скалываются, теряют след, проносятся мимо запавшего зайца и очень страдают от жары, потому что в сентябре часто бывают на диво теплые дни. Никогда гончая так скоро не подобьется, как именно в сентябре, работая на сухой земле. Может быть происходит это потому, что собаки с лежки, кожа на лапах еще не успела огрубеть, но позже, даже гололедицу, собаки выдерживают лучше, чем начало охоты.

Нет, не сторонник я охоты с гончими в сентябре — охота эта хороша, когда осень войдет в силу, когда «приметы осени во всем встречает взор», когда чаща поредела от листопада (а лучше, если совсем очистилась), ' благодаря чему расширяются горизонты и несмотря на серые и тусклые дни, делается как-то просторнее и светлее даже в любой лесной чаще . и труппе, не говоря уже о мелочах и опушках. Когда благодаря утренним заморозкам поблекнут и поникнут к земле травы, опадут листья, а под ногою мягкая и сырая насыщенная водою почва; когда наступят типично осенние серые, слегка мгlistые дни с туманными далями и тусклым однотонным небом, нередко посылающим на землю упорный, мелкий и тихий дождь; когда все кругом отсырело и приняло

мутную окраску, все яркие цвета как-то ступшевались в природе и солнце все реже и реже ласкает землю, и земля ждет зимы, постепенно замирая и цепenea, но еще не скована морозом и заяц беляк в ожидании снега уже выцвел и щеголяет в пушистой белой шкурке,— дивно хороша в такие дни и в такой обстановке охота с гончими!..

С годами, чем больше насыщаешься всеми прелестями охоты, чем глубже вникаешь в природу, тем больше дорожишь и ценишь осень ! в охотничьем отношении, как превосходное время для охоты, когда каждый зверь и каждая птица в полной поре. Добывать осенью зверя и птицу — одно наслаждение и нет того осадка на душе, как после весенней охоты, когда, строго говоря, жаль омрачить выстрелом жизнерадостный и светлый праздник жизни. Осень несравнима даже с летней охотой, когда дичь юна, слаба, доверчива и ее, во многих случаях, можно стрелять полузарядами. Далека осень от подобного избиения младенцев! Один осенний глухарь или тетерев стоит пяти таких же птиц, взятых летом, и белый осенний заяц очень красив и уже не напоминает сентябрьского серого беляка, тушующегося своим неприметным окрасом среди стволов деревьев, кустарников и трав.

Иногда, по погоде, осень в особенности бывает капризна: рано выпадает снег, потом его сгонит, а там опять снег и снова оттепель — тропа для гончих получается пестрая, то белая, то черная, то смешанная — когда снег лежит только местами, заплатами. В такую осень приходится стрелять по белой тропе серую беляка, но все же в конце

концов настанут дни, после оттепели и дождей, когда явится возможность погонять белых зайцев по чернотропу и это — лучшие дни охоты с гончими по белякам, и я всегда очень дорожил такими днями. По черной тропе белого зайца видно далеко, и он очень эффектно идет под гончими.

По снегу картина охоты меняется. Белый зверек сливается своим окрасом с пеленой снега, а когда приходится гонять его в лесу, в густых чащах и зарослях, среди кустарников, и снег пушист и обвесил накренившиеся под его тяжестью ветви, или в сильный иней,— в такой обстановке заяц иногда так незаметно проскочит в выстреле от охотника, что ни в одном просвете — прогалине между запушенными снегом зарослями его не увидишь, несмотря на ожидание и внимание, и только когда гончие пойдут по следу, убедишься с досадою, что заяц был близко, но благополучно ушел.

Сильные и рослые, очень выносливые костромские гончие могут гонять по глубокому снегу, чуть не ныряя в нем, только бы снег был рыхл, и обыкновенно не глубина снега, а корка, «садящаяся» на снег после оттепели, почти всегда бывающей в начале зимы, заставляет прекратить охоту с гончими.

Корка эта — затвердение снега в верхнем его слое, не настолько прочна, чтобы выдержать тяжесть собаки — гончие ломают ее, идут в провал, и она точно стеклом режет им ноги. После такой охоты собаки обезножат, и к работе они уже не способны на несколько дней. А зайцу по корке великолепный ход, он уходит от вязнущих в снегу собак, как от

стоячих, и застрелить такого зайца приходится иногда так далеко от собак, что в первую минуту является сомнение — не шумовой ли беляк случайно набежал на охотника.

При охоте по рыхлому снегу заяц тоже очень опережает собак, но не настолько, как по корке, потому что сам вязнет, хотя и не так, как гончие, и скоро сбавляет ход, выбиваясь из сил.

В мертвую порошу ход беляка под гончими не так правилен, как обыкновенно, хотя особенность эта, в главном, зависит от расположения и характера угодий, где происходит охота, и меняется в зависимости от тех или иных местных причин. Но некоторые свои приемы под гоном беляк упорно сохраняет и всюду их практикует.

Вообще каждый зверь — не проходной, а местный, — превосходно знает места, где живет, и, свободно ориентируясь на громадном пространстве угодий, под собаками идет всегда сознательно, выбирая более удобные для хода места, переходя из одних мест в другие давно ему известными переходами-лазами, и блудите я и ошибается местностью только в густой туман. Застигнутый врасплох, зверь может броситься от опасности куда попало, но быстро справляется, очень хорошо соображает и, отдалившись от собак, идет под гоном сознательно. И даже заяц-беляк далеко не так глуп и труслив, как многие привыкли думать о нем.

В глубокий снег беляк старается идти местами, где меньше снега, знает такие места и разумно пользуется ими, в то же время он очень не проч завести собак в снежный намет, как можно хитрее запутать свой

след в кем, сделать несколько скидок и удрать в сторону по малоснежному месту.

Если в пустоши, мелочах и окраинах полей есть бугры, с которых сдувает снег, то заяц любит ими ходить, В больших островах крупного леса, в мертвую порошу, беляк предпочитает кружить сосновыми борами или частыми, густыми, как щетка, молодыми сосновыми зарослями — в обоих случаях местами лишенными подседа и малоснежными, тах как крупные сосны и мелкие сосновые чащи задерживают снег своими ветвями. Если к таким местам прилетает болото, по местному — «ляга», низменность, обильная буреломом, с преобладающей в ней елью, где с самого начала зимы много снега, то краем такой «ляги» будет вернейший ход беляка. Лесные покосы-лужайки тоже часто окружены сосновыми чащами — опушкой таких покосов также любит ходить беляк, от времени до времени перебегая покос в самом узком месте его,— обычная манера зайца-беляка под гонок.

Скоро теряя силы благодаря мертвой пороше, заяц все чаще и чаще западает в этот период гона, в особенности старается пользоваться лесными проеханными дорогами, протоптанными тропами и даже свежими следами человека — того же поджидающего его охотника. Желание зверька понятно — скрыть свой след, запутать, сбить собак и отделаться от них.

Но если это ему скоро не удастся, то выбивающийся из сил заяц начинает ходить под гоном очень беспорядочно, «мотается», западает все

чаще и чаще. Сколько раз беляк подбегал ко мне вплотную моими же следами, когда я поджидал его в какой-нибудь густой «ляге», где он, теряя силы, начинал упорно кружить по площади каких-нибудь двух-трех десятин, пользуясь тропами, промятыми гончими, и этим надеясь обмануть собак.

Подобные приемы иногда беляку удаются, но при охоте с вязкими, сильными и выносливыми гончими спасенья ему нет; хорошие гончие гоняют зайца до тех пор, пока он не будет убит. Они будут скальваться¹, терять след запавшего зайца, но не сойдут с того места, где стеряли, снова и опять «откопают» беляка и будут гонять, хотя и с перерывами, но положительно без конца!.. Сук на осине — вот место гончей, выходящей к хозяину после того, как она стеряла след. Среди гончих часто выдаются хитрецы, ожидающие, сколовшись, когда товарищ найдет след, чтобы натечь и гнать по готовому, но хорошая гончая, сколовшись, будет искать настойчиво, десятки раз прокружит по месту, где стеряла, разберется и погонит снова и опять.

Моя костромская выжловка Негра, от собак Н. П. Кишенского, если выходила ко мне из острова, после того как в нем смолкал гон, то это всегда и неизменно доказывало, что заяц пойман. И выходила она только при охоте с нею в одиночку, а в стайке яростно бросалась на выжлят, отбивая от них добычу, и караулила зайца до моего прихода. При охоте в одиночку словленного зайца она неизменно зарывала в снег или в мох под кочку так искусно, что не подводи она меня к этим зайцам —

разыскать их по чернотропу было бы невозможно.

Ударишь иногда по зайцу далеко — гон минут через 10 смолкает. Идешь по направлению смолкнувшего гона — навстречу выходит из какой-нибудь «ляги» Негра.— Ага, спрятала! Ну, веди!..— И ведет, даже оглядываясь — иду ли я за нею. В конце концов остановится над какой-нибудь кочкой. Заяц тут: в ямке между кочками, под кочкой, под корнями дерева, и как старательно прикрыт мохом и сухими листьями, а по снегу — зарыт в снег. Другие мои гончие нещадно рвали и пожирали зайцев, взятых вдали от меня. Негра никогда не трогала' их. Дойдя до убитого (прятала она только словленных зайцев) и подождав охотника, она тот час же исчезала на поиски, не желая даже получить за свой труд обычное лакомство гончих — заячий пазанок. Выжловка эта была типично костромская, поразительной силы, ладная, крепкая, будто выкованная из бронзы. Очень ползистая, чутыстая, вязкости необычайной, она погибла в расцвете сил, переутомившись и надорвавшись на охотах — и какие это были поля! Страсть к охоте жестока — она требует жертв; во имя ее мы, охотники, часто не щадим себя и не бережем своих преданных помощников на охоте — собак. Потом жалеем, но прошлого не воротишь. На моей совести несколько таких грехов. Комнатные лизоблюды доживают до глубокой старости, а лучшие наши друзья, источник наших наслаждений — рабочие охотничьи псы в большинстве гибнут преждевременно... А, впрочем, дело не в количестве прожитого, а в его качестве! Все всегда и неизбежно идет к одному знаменателю, и не в том

ли только вопрос, какими путями оно идет к нему...

Охота в начале зимы почти всегда происходит в крупном лесу, так как беляк на зимовку, как упомянуто выше, переходит в большой лес. Поднятый близ опушки, беляк иногда ходит мелочами и окраинами полей, но тяготение его зимою к строевому лесу — вне сомнений. Охота в такой обстановке самая трудная из охот с гончими. В обширных островах с их «лигами», густыми чащами, болотами и плотными зарослями, в которых под снежным навесом на их ветвях кружит беляк — перехватить его не так-то легко. Охота иногда идет очень недобычливо: занимаешь верхние лазы — заяц проходит близко, но остается невидимкой; гон кипит вокруг, но даже перевидеть зверя не можешь, охота затягивается, снег с деревьев засыпает — мерзнешь, гончие работают по одному беляку часа четыре, заяц выбивается из сил и в финале случается иногда, что зайца словили. Результат неважный, но, охотясь в такой обстановке, надо быть готовым к таким незадачам и «сюрпризам». Опыт и практика подсказывают вывод: в мертвую порошу в большом лесу нужно всеми силами стараться перехватить зайца на его первом более правильном и небольшом круге.

Покончив с охотой по сравнительно глубокому снегу, о которой я слишком распространился, что заставляет меня спешить к концу, перехожу к общим замечаниям по охоте на беляка с гончими.

Как известно, заяц (беляк и русак) выходит на жировку ночью, а днем лежит, поэтому совет выходить на охоту как можно раньше, с

первыми проблесками дня не лишен значения, хотя в местах зайчатных полази-стые гончие во всякое время дня быстро поднимут зайца, а если собаки ищут скверно, надо самому лезть в чашу, принимая на себя часть их работы — это тоже очень способствует удаче, бодрит собак и всегда на охоте полезно, даже при наличии очень хороших гончих.

Вечером, после заката солнца, когда к на жировку, гон обыкновенно страшно разгорается, и беда, бывало, мне запоздать на охоте в лесных островах, битком набитых зайцем. Жаль попусту потраченной энергии выжлят, стрелять нельзя, а гон кипит — надрываются, страстно стонут и рыдают собаки, оглашая остров чарующими охотника звуками. Гармония гона, приближаясь, то бурно разрастается, то постепенно уходит вдаль, то опять завернула, близится, крепнет и растет. Сколько различных интонаций в этих звуках — вы знаете, читатель, и поймете меня. Бесперывно идет гон, а кругом тьма. Сколько бьешься, бывало, сзывая собак, стреляешь, трубишь, вопишь: дошел! дошел! вот, вот!.. — стараясь обмануть и подхватить подбежавших собак на сворки, и достоинство выжлят — вязкость в эти минуты досады ставишь им в упрек. Отозвать гончих от следа было не так-то просто. В особенности Негру. Но и на сворке являлось нелегкой задачей вывести ее ночью из острова. То и дело чует она на тропе свежий след — стальные мускулы напрягаются, и она, вся вытянувшись, тащит меня несколько шагов, как на буксире, пока не справишься с нею и не оторвешь ее от следа. Приходилось иногда брать ее на руки и отнести немного в сторону.

Арапника она не выносила, вид его приводил ее в бешенство, и она даже меня хватала за руки. А остальных, с кем соприкасалась, совершенно игнорировала и держала в подчинении. Это была любимица, которой все позволялось...

Поздней осенью, когда травы вянут и разлагаются, беляки, живущие в полях и в окрестностях их, любят кормиться на озимях, залегая в примыкающих к озимям плотных зарослях, до густых опушек болот включительно. Островной беляк, живущий постоянно в крупном лесу; жирует на лесных покосах, в осинниках и любит залегать в загроможденных буреломом или давнишней вырубкой леса местах. В упорно дождливое время беляк охотно перебирается в хвойный или смешанный лес, находя в нем лучшую защиту от дождя, а также очень любит чащи, где молодой березняк перемешался с елями, под которыми и залегает. Даже в мелкий, но упорный дождь, когда с деревьев идет «капель», заяц удаляется из лиственной чащи: шум падающих с ветвей крупных капель воды его пугает; то же самое происходит и в разгар листопада — шорох валящихся листьев заставляет зайца убраться в более спокойные места.

В сильный ветер заяц идет под гончими неправильно, далеко уводит собак, очень опережает их, так как плохо их слышит и потому боится более обыкновенного, и охота затруднена еще шумом ветра, заглушающим гон. При таких условиях охотник скоро теряет направление гона и много тратит времени, разыскивая собак. Удачная охота в такие

дни возможна лишь при условии, чтобы охотник находился по ветру от собак; во это не всегда удается осуществить. Когда же листопад закончится и в особенности сбросит листья осина, ветер уже не так шумит оголенными ветвями, как сухою листвою, и менее мешает слушать собак.

Самая лучшая погода для охоты с гончими — безветренная, пасмурная, прохладная, но без заморозка, и чтобы под ногою было мягко и сыро. По влажной почве превосходно работают собаки. Очень хорош бывает гон в оттепель, по тающему неглубокому снегу, но картина охоты на белого зайца по снегу уже не так хороша, как по чернотропу. В дни с утренними заморозками лучше выходить на охоту не особенно — дать время земле отойти. Мелкий осенний дождь отнюдь не является помехой при охоте с гончими, наоборот — гончие работают под дождем превосходно, и даже ливень, который осенью бывает редко и по теории мог бы замыть след, положительно как-то не отражается на работе собак. Чутье гончих прямо изумительно и зачастую поражает наблюдательного охотника. Легавых собак с таким чутьем, как у гончих, я никогда не встречал.

Сколько раз, при охоте в открытых местах, видишь вдали беляка, путающего собак бесконечными петлями, двойками и тройками, замечаешь его путь и через минуту наблюдаешь, как гончие, во весь мах, держась даже в нескольких шагах от следа, повторяют все эволюции зверя; как быстро разбираются они в хитросплетенных узорах заячьих петель, в самых сложных набродках, и если стеряют, то сделав

проверочный круг, тотчас же натекают на след и продолжают тон. И все это почерной тропе, когда зрение ничуть не помогает гончим. Но и по белой тропе работа «на глазок» возможна только до тех пор, пока во время гона не образуются пробитые зверем и гончими тропы, которыми начинает пользоваться заяц, и раз это произошло, выжлята поневоле должны руководиться одним чутьем.

Гололедица, т.е. когда земля скована морозом, лужи затянулись льдом, а снега нет,— самая плохая тропа для гончих, но и в такой обстановке, если мороз не особенно силен, гончие в иные дни работают очень хорошо. В другие же дни, при совершенно одинаковых условиях, гон идет значительно хуже, иногда даже — из рук вон скверно, и чем, объясняется это — сказать я не могу. Вероятно, причувивание следов в такую погоду зависит от каких-либо атмосферических явлений и какаянибудь вибрация воздуха над землею, совершенно не ощущаемая человеком, имеет влияние на собак.

По черной тропе и по белой, как только начнут замерзать реки и озера, заяц пускается на хитрости и любит топить собак, заводя их в реку или озеро, сам благополучно перебегая по тонкому ледку, тогда как под тяжестью собаки лед проваливается, и гончие в лучшем случае отделяются холодной ванной. Такое коварство косога известно охотникам, и во избежание катастрофы в такое время следует по возможности охотиться вдали от рек и озер.

Если мороз превышает 7 градусов, то гончие работают плохо,

быстро теряют, скалываются, гонят урывками. В сильный мороз «стынет след», как говорят охотники.

Обыкновенно поднятый беляк делает сравнительно небольшой первый круг, описав который, приблизительно возвращается к месту своей лежки; затем — дает второй круг, значительно обширнее первого, и, закончив его, далее идет уже широко и прихотливо, так что на дальнейший гон особых правил установить нельзя. Иногда после второго круга беляк дробит свой след на несколько мелких в разных местах кругов, иногда чуть не напрямик далеко уводит собак, иногда несколько раз возвращается к лежке, а то — в дальнейшем гоне совершенно ее игнорирует, — все это комбинируется очень различно и зависит от угодий, погоды и работы собак. Уже на первом круге беляк вполне осваивается с гоном, очень разумно пугает следы и запутав, любит запать в стороне, а то и так, не западая и не прячась, сидит и слушает гончих. Во весь мах он идет или слыша близко за собою собак, или запутав след, отбегая от своих хитросплетенных петель и многочисленных скидок, долженствующих сбить преследователей — гончих. Вдали от собак беляк идет неторопливо, сберегая свои силы, часто присаживаясь, но открытые места перебегает быстрее. Переходя из острова в остров, из одного болота в другое, перебегая перемычки и покосы-лужайки, пересекая просеки, тропы и лесные дороги, беляк любит ходить своими следами, и это ведет к скорой и верной его гибели.

Беляк часто практикует такой прием: уводит собак далеко от своей

лежки в какой-нибудь остров или болото, сильно путает там свой след и, предоставив смолкнувшим гончим разбираться в его петлях, «бросив» там гончих — возвращается своим следом обратно к лежке. Лучший лаз в таких случаях — входной след зверя в остров или болото.

Установить лазы, т. е. вызнать излюбленные места перехода зверя при охоте в одних и тех же угодьях очень нетрудно — лазы из года в год все на одних местах, ими пользуются целые поколения зайцев и они настолько для опытного охотника приметны, что даже охотясь в совершенно незнакомых местах, при некотором навыке как-то сразу определяешь лаз, соображаясь с направлением гона и характером местности. Практика скоро покажет, какими местами предпочитает ходить заяц и каких избегает. Например, сухою высокою травую, которая часто встречается в пустошах, заяц идет очень редко и обыкновенно обходит ее, а в гору во всех случаях он очень любит идти.

Чем больше гончих, тем скорее выживают они беляка из плотных, лесистых мест, в которых он кружит и путает след, стараясь избавиться от преследования. Большая стая гончих не позволит зайцу часто западать, выигрывать время, пока собаки разберутся в его петлях — стая след почти не теряет, гонит непрерывно, без скола, заяц под стаей идет быстрее и скорее выставляется на охотника. Долгого ожидания на лазах при такой охоте не бывает, но для успеха требуется, чтобы стая была хорошо составлена, собаки — сгонявшись и работали дружно. Разнокалиберный сброд гончих, большинство которых друг другу не по ногам — никакой

утехи охотнику доставить не может, и чем больше такая «стая», тем большая бестолочь получается в охоте и множится огорчение охотника!

Иногда лазы беляка бывают очень оригинальны. Охотясь в пустоши, отделенной от острова изгородью из жердей — «осеком», я заметил, что зайцы упорно переходят из пустоши в остров и обратно через «осек», в том месте, где была сломана нижняя жердь. Надо сказать, что «осек» — изгородь очень грубая, предназначенная преградить путь крупному скоту — лошадям и коровам, расстояние между параллельно укрепленными на кольях жердями не менее полуаршина, и в любом месте такая изгородь никогда не может задержать не только зайца, но даже волка. Но беляки избрали одно место изгороди со сломанной нижней жердью для своих переходов, привыкли пользоваться этим местом, выходя на жировку, и шли сюда как по нитке. Поднятый в пустоши — шел сюда, чтобы укрыться в острове; поднятый в острове — чтобы поводить гончих по пустоши. Разница была только в том, что иные беляки шли в пролом в «осеке» (по местному — «каверза») на первом круге, другие — на втором и т.д., но все рано или поздно тянулись сюда. Это был излюбленный лаз, благодаря близко подступившей с обеих сторон изгороди сосновой мелкой чаще, вдающейся мысами к «осеку» и со стороны пустоши, и со стороны острова. Такими чащами, совершенно лишенными подседа, где по земле хорошо видно вперед между тонкими и частыми стволами, а сверху имеются надежные прикрытия из ветвей и крон густой хвойной молодой заросли, беляки всегда очень любят ходить,

а здесь ходили в особенности, пользуясь симпатичной им чащею как переходом.

Другой курьезный лаз я открыл на незначительной речке Похте, протекающей мелочами с прилегающими к ним многочисленными островами и болотами — разнообразнейшие и очень удобные уголья для охоты с гончими. Первый же поднятый мною беляк в этих местах на втором круге перемахнул речку и увел за собою собак. Я удивился. Никаких мостов и переходов поблизости не было, речка полна водой, глубока, шириною до 12 аршин, с высокими берегами, не допускающими мысли, что заяц и собаки перескочили ее. Не вплавь же совершился переход! Я пошел берегом речки, прислушиваясь к азартному гону на другом ее берегу и уже вдали. Но вот на песчаном и более отлогом берегу я увидел следы собак. Оказалось, здесь была мель, так что в реке обнажилось несколько крупных камней и по этим камням перемахнул на другую сторону заяц, а за ним прошли и собаки. Я остался в кустах возле этого перехода. Чуть слышный вдали гон повернул в мою сторону — как будто яснее стало слышно собак. Ближе, ближе... и матерый, белый, как снежина, беляк катит всюю прямо к речке, скачет через воду по камням и несется по атаве небольшой лужайки в нескольких шагах от меня. Какое наслаждение ударить по такому зайцу на совершенно открытом месте; после выстрела он еще несколько шагов, в силу инерции летит колесом!..

В следующие охоты возле этих камней — перехода, пока их не залило прибывающей от дождей водою, я взял еще несколько беляков, как

видно отлично знающих этот путь на другую сторону речки.

В заключение скажу: охота с гончими даже на заурядного зайца-беляка по своей обстановке, ожиданию зверя, гармонии гона всегда доставляла мне много высокого наслаждения и я с отрадой вспоминаю посвященные ей дни...